

Яков Гринберг

ПОИСК ЖЕНЫ
ПО-НАУЧНОМУ

תחילת
03

Яков Гринберг

Поиск жены по-научному

«Издательские решения»

Гринберг Я.

Поиск жены по-научному / Я. Гринберг — «Издательские решения»,

Книга состоит из двух частей. В первой описываются многочисленные способы поиска правильной жены, которые предлагает неистощимый на выдумки школьный приятель героя, а во второй очень рациональный программист получает некую уникальную способность, с которой ему оказывается очень трудно жить.

Содержание

Поиск жены по-научному	6
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Поиск жены по-научному

Яков Гринберг

© Яков Гринберг, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Поиск жены по-научному

Сэм, долговязый, не склонный к полноте, немного сутулый молодой человек, в круглых очках, придающих глазам удивленное выражение и делающих его слегка похожим на сову, встретил своего школьного приятеля, Мартина, в кафе, куда сам случайно забежал перекусить, – в выходной день он не обедал дома. Они не виделись уже много лет и оба были приятно удивлены.

– Глазам своим не верю, старина Сэм! Привет, рад тебя видеть. Солидный стал, еще пару лет – и не узнал бы. Ну, рассказывай, как живешь, что делаешь?

Мартин, рыжий, весь покрытый веснушками, самый веселый, напористый и шумный в их классе, улыбался и поблескивал озорными глазами. Сразу захватив инициативу и не дожидаясь ответа Сэма, Мартин начал сам излагать основные вехи своей насыщенной и пестрой жизни, как всегда торопясь, как будто боялся, что его неожиданно остановят. Положение было такого, что к тридцати годам он не закончил никакого высшего учебного заведения, хотя и пробовал, был дважды женат, но неудачно, испытывал свои способности в разных областях, однажды даже основал свое собственное дело, но прогорел начисто. В настоящее время, после краткосрочных курсов по маркетингу занимается торговлей, то есть, проще говоря, агент по продажам в большой фирме, жизнью доволен, хотя, вне всякого сомнения, могло быть и лучше. Конспективно, но рельефно обрисовав, как ему казалось, главное, Мартин наконец замолчал и вопросительно посмотрел на Сэма; мол, твоя очередь.

– Ну что тебе сказать, – вяло и неуверенно начал Сэм, он терпеть не мог самоотчета, по сути скрытого, неявного подведения итогов даже перед очевидно доброжелательным, но все же посторонним человеком. Чего добился, чего не добился, с невольным повисающим в воздухе немым вопросом: «Почему?», что совсем не хотелось никому объяснять. – У меня, в общем, все нормально. Защитил докторскую диссертацию по физике. Работаю в солидной компании, занимаюсь исследовательской работой. Все хорошо, – стараясь говорить бодро и оживленно, закончил Сэм.

– Ну, это не удивительно, ты же всегда был способным в этих чертовых точных науках, а как насчет личной жизни? – тут же нашел прореху в нарисованной идиллии Мартин. – Ведь сокрытие информации в процессе следствия – это важная отягощающая улика. Почему не говоришь о жене и детях? – смешно вращая глазами, продолжил он, посмеиваясь и играя бровями. – От школьного друга секретов нет и быть не может.

«Совершенно не изменился, – невольно подумал Сэм, – все такой же симпатичный шалопай, что был в школе. Повзрослел только внешне».

– Нет у меня жены и, соответственно, детей тоже нет, – смущенно улыбаясь, будто оправдываясь за некий не вполне благовидный проступок, ответил он. – Не получилось как-то, времени не было, учеба, понимаешь, не до того...

– Ну, это ты брось, – тут же перебил его Мартин, – эти сказки ты своим родителям рассказывай, может, они поверят. Да, столько лет прошло. Все-таки чертовски рад тебя видеть, – расчувствовался Мартин и от избытка чувств даже похлопал Сэма по плечу. – Кстати, ты случайно не зазнался, не считаешь себя научным гением, а всех вокруг кретинами? – вдруг озбоченно вымолвил он и впервые посмотрел на Сэма серьезно.

– Ты что с ума сошел? – воскликнул Сэм с возмущением, слегка оторопев от резкого перехода. – Как тебе такая чушь в голову могла прийти?

– Тогда продолжаем разговор, а то я подумал... Впрочем, сейчас это уже не важно. Так на чем мы остановились? На жене твоей, которой у тебя нет и никогда не было. Отговорками меня не корми, скажи лучше честно: «Не хочу жениться», и я тебе на это отвечу, что ты тысячу раз прав, нет в этом ничего хорошего. Как честный экспериментатор, я проверял это

на себе, и даже не один раз, а дважды. Все происходит по одному сценарию. Ну, первый раз на это кино, конечно, интересно смотреть, да и участвовать тоже. Захватывает, за живое берет, но потом все повторяется, впечатление такое, что смотришь тот же фильм: хоть партнерша другая, однако те же мизансцены разыгрываются, текст тот же произносится, ну, плюс-минус ее темперамент. Одна это с трепетом говорит, а другая более рассудочно. По сути, приходится наблюдать полную взаимозаменяемость объекта своих эмоций, как писали в старину классики романтизма, – «единственной и неповторимой». Чувствуешь себя при этом полным идиотом, ведь и на твоём месте мог находиться любой другой. Когда начинаешь это глубоко понимать, становится совсем не по себе. Как будто участвуешь в некоей безумной кинопробе, причем ясно осознаешь, что претендентов на твою роль много, но наличие другого героя-любownika совершенно не меняет расстановку акцентов в общей картине изображаемых любовно-семейных отношений. Жуть. Ведь женитьба – это, в сущности, игра случая, хотя допускаю, что мне просто исключительно не повезло, другие ведь живут, и вроде ничего, терпят, смирились, наверное, играют свои роли как будто всерьез, в образ вжились, даже волнуются и ревнуют по-настоящему.

Сэм отвык от необузданного темперамента своего бывшего друга, от прыжков и кульбитов, смешных выкрутасов в его рассуждениях, которые, несмотря на все гримасы, обязательно сопровождавшие его монологи, все же не выглядели как откровенная глупость или пошлость. Некоторый абсурд в изложении, его постоянное стремление все преувеличивать, доводить до нелепости несомненно серьезные для него самого предметы и темы обсуждений, заключали в себя какую-то странную логику, даже неявно зашитую грусть. Кроме того, слушать его было интересно.

– Но это еще полбеда, – продолжал раскрасневшийся Мартин, все более распаясь и входя в азарт свободной импровизации. – Ты не единственный мужчина на этом свете, это бесспорный факт, и его приходится принимать достойно, без самобичевания. Главное другое, когда представляешь себе разброс интересов – портретную галерею всех, кто был до тебя, а заодно, для полноты картины, всех, кто будет параллельно тебе и, вполне естественно, после тебя, всех ее любовников и случайных попутчиков, обидно становится по-настоящему. В этой баскетбольной, а может, и футбольной команде, это кому как повезет, такие субъекты встречаются, что поверить невозможно. Как она могла с подобными типами общаться интимно, прижиматься, в глаза заглядывать любовно? Я бы такому даже руки б не подал. Ответ прост, как сама жизнь. Могла, и все этим сказано, поэтому тут же напрашивается вывод, имеющий прямое отношение к практической жизни. Не нужно при знакомстве с девушкой выяснять особенности ее характера, вкусы, привычки, из какой она семьи, все это ископаемые глупости, никак не помогающие процессу идентификации, так сказать, не высвечивающие главную компоненту в твоей избраннице, а нужно, чтоб она сама наглядно предоставила тебе, например в виде фотоальбома, полную галерею всех своих мужчин, желательно с краткой аннотацией на каждого. Каков патент! Отдаю бесплатно. Причем естественные с ее стороны отговорки и увертки, что она, мол, не может предоставить фотографий тех, которые будут только потом, что она их еще сама не знает, во внимание принимать никак не следует, это обычные женские штучки, свидетельствующие только о нежелании откровенно поведать о своем вкусе, избирательности и разборчивости. Женщины вообще крайне себе на уме и невероятно изобретательны по части дымовых завес над своим прошлым и особенно над будущим, что имеет уже непосредственное к тебе отношение, ведь тебе там с ней жить.

– Ты говоришь, как закоренелый женоненавистник, – с улыбкой возразил Сэм, – выбрал из всего бесконечного множества отношений какие-то абстрактные, нежизненные категории и без всяких доказательств, занимаешься очернением, практически клеветой на женский пол.

– Протестую, – изображая прокурора в суде, вскричал Мартин. – Привожу факты, доказывающие справедливость обвинения. Например, была у меня одна, которая, никак не моти-

вируя, наотрез отказалась предоставить требуемые фотосвидетельства, сама дочь профессора, образование и манеры соответствующие, так потом оказалось, что настоящая причина в том, что она слегка колется, а после этого, естественно, доступна любому, кто в данный момент находится на расстоянии вытянутой руки. Тут уж не про спортивную команду приходится говорить, а про целый стадион, по крайней мере, это более сопоставимо с реальностью, хотя ее тоже можно было понять – предоставить всех, с кем она была, у нее не было никакой физической возможности. Или, например, другой случай, другая крайность. Насмотрелась она журналов модных, женских, там им доходчиво объясняют, как с мужчинами воевать, заставлять на себя работать, помыкать и обманывать, ну, в общем, как должна жить уважающая себя женщина. Как окончательно и бесповоротно решить в свою пользу «транспортный вопрос»: кто на ком в семье ездить будет? С такой, когда поймешь с кем дело имеешь, чувствуешь себя как на предприятии с быстрой текучкой кадров: только привык к условиям, вошел в должность и чуть расслабился, а на твоём месте уже другой сидит, более перспективный, и тоже хочет показать себя с лучшей стороны.

В общем, как не крути, женитьба – глупое занятие, нужное государству более, чем тебе самому. Базируясь на моем недавнем курсе маркетинга, могу авторитетно утверждать, что семья – двигатель торговли, именно она является идеальным потребителем всевозможных товаров и услуг, которые нормальный, одинокий человек в добром здравии и рассудке ни за что бы не купил. Я помню, что сам вытворял. Настоящее безумие. Поэтому следует честно признать, что женитьба – экономическое, государственное и демографическое действие. Если глубоко задуматься, то ясно – это некая разновидность патриотизма. Образуя семью, рожая детей, ты тем самым помогаешь государству выжить. От такого масштаба у некоторых бы дух захватило, но не у меня, хотя сам я честно пытался выполнить свой гражданский долг, даже морально и экономически пострадал на этом поприще. Да если на то пошло, мне государство должно пенсию платить, как раненым во время войны, ведь женитьбу и особенно развод можно запросто приравнять к некой разновидности военных действий. Вот саперы только раз ошибаются, а я дважды, неужели не заслужил ордена или, скажем, медали «За отвагу»? Как ты думаешь, Сэм, может, стоит начать «процесс века» о взыскании с государства компенсации за моральный ущерб, нанесенный мне в процессе неудачного брачевания? Ведь ты согласен, что такой подход вполне правомерен?

Продолжать дальше или хотя бы получить ответ на свой риторический вопрос Мартин не мог. Сэм, уже не сдерживаясь, хохотал, как сумасшедший. На них с любопытством стали оглядываться с соседних столиков. Сэм смеялся громко, по-детски запрокинув голову назад, из глаз его катились слезы.

– Ой, не могу, – с трудом сдерживая новые приступы хохота, произнес он наконец, вытирая глаза. – Ты опасный тип, Мартин, так убить можно неподготовленного человека. Если ты в такой манере общаешься с барышнями, то понятно, почему они от тебя убегают.

– Что я, по-твоему, псих? Говорить откровенно с женщиной? Только настоящему другу я могу приоткрыть душу, рассказать о личном, сокровенном, причем совсем не по причине особого доверия, не обольщайся, а потому что женский пол просто не понимает всей глубины моих рассуждений и обобщений, разносторонности и оригинальности моего мышления. Они вообще, в отличие от распространенного заблуждения, предпочитают не духовные ценности, а что-нибудь материальное, подарок, например, ценный. Кольцо с брильянтом для них лучше любой россыпи духовного богатства, – печально возразил Мартин, но на его лице можно было прочитать крайнее удовлетворение, если не сказать, радость, от произведенного эффекта.

– До большого актера тебе, Мартин, все-таки далеко, – ты явно переигрываешь, – окончательно отсмеявшись, провозгласил Сэм, – излагаешь все односторонне, в чересчур агрессивной манере, у тебя вместо девушки симпатичной чуть ли не образ врага получается, не даешь зрителю почувствовать волнение, любовную атмосферу. В общем, я тебе не верю.

– Ну и пожалуйста, – с наигранной обидой отреагировал Мартин. – Ораторское искусство – это не религия, чтоб верить не думая, оно доступно только для тех, кто понимает тонкие материи, способен оценить фейерверк остроумия и оригинальность изложения материала. Не всем дано, – добавил он сухо, демонстративно указывая пальцем на своего товарища.

– И потом, – игнорируя палец, продолжавший обличать бездарного слушателя, продолжал Сэм, – в твоих рассуждениях начисто отсутствует само понятие любви, а, как не крути, на этом стоит мир.

– И это говорят мне, – негодуящим тоном воскликнул Мартин, – человеку, который неоднократно страдал от любовной лихорадки, переболел всеми возможными формами и с тяжелейшими осложнениями. Да если хочешь знать, я хроник, страдаю постоянно, с короткими периодами затишья между очередными приступами. Причем возмущает, что до сих пор человечество занимается какой-то ерундой и не нашло эффективного лекарства от этого страшного недуга, жутко распространенного среди населения. Куда, позвольте вас спросить, смотрит прогрессивная общественность? Неизвестен возбудитель, способ заражения, инкубационный период, хотя симптомы у всех примерно одинаковы, – зуд души! Хочется почесать, а не можешь. Начинает душа гореть, места себе не находишь. Хорошо еще, когда болезнь протекает в латентной форме, но ведь из литературы известны и смертельные случаи. Бедный юный Вертер, да и других вереница. Иногда мне кажется, что сам выжил чудом, хотя в чудеса не верю, например, ни разу в лотерею не выигрывал, а так хотелось бы хоть раз схватить главный приз и расслабиться на всю оставшуюся жизнь, – причмокнув губами и закатив глаза к потолку, мечтательно произнес он.

– Тебя опять заносит, – с упреком прервал его Сэм. – Начал с любви, а закончил деньгами. Не отвлекайся от темы. Вопрос женитьбы меня волнует.

– Да нет, это я так, к слову. А что, ты действительно хочешь жениться? Это просто замечательно! Я не садист, но на свадьбы ходить обожаю. На чужие, конечно. Подружки невесты симпатичные и вообще весело. Итак, какие проблемы? Что мешает? – деловито потирая руки, озабоченным тоном произнес он.

– Понимаешь, для того, чтоб жениться, нужна подходящая, а с этим проблема. Пока учился, студентки вокруг крутились, а сейчас что-то никто не попадается. На работе все либо замужем, либо секретарши слишком молодые, которые мне не очень-то нравятся, кроме того, внутри фирмы неудобно начинать роман, в глупое положение можно попасть.

– Ты боишься?

– Не боюсь, но опасуюсь. У нас были истории, когда в общем из-за ерунды, пустякового флирта, люди увольнялись. Так что это не шутки. Что же касается меня, то ни на улице, ни в кафе я знакомиться не умею, кроме того, мне это как-то не подходит, роль уличного ловеласа явно не для меня. Могу тебе признаться, раз у нас такой зашел разговор, что даже обращался в брачную контору – «Знакомства с серьезными намереньями», но и это не работает. Ходил несколько раз на свидания, но то, что девушки пишут о себе, и то, что видишь собственными глазами, большая разница. Надоело в конце концов, – тихим голосом, как-то устало сказал Сэм и невесело вздохнул, – каждый раз надеешься, ждешь, для того, чтоб убедиться, что опять не то. Осадок после таких встреч остается горький, разочарование. Человек – конечен, нет в нем запаса для многих неудач. Вот ты изобразил, что за каждой девушкой табун вздыхателей бежит, а я вижу это как раз наоборот, – ходят они в большинстве одинокие и никого найти не могут. Вообще, мне кажется, что нет в этом вопросе в мире равновесия, у некоторых все время избыток, а другие одни переживают. Может, это какое-то особое свойство человека? Талант? Ты не смейся, я сейчас серьезно говорю, причем я долго думал, сопоставлял информацию и понял, что не связано это ни с внешними данными, ни с интеллектом, ни с характером. Этим процессом управляет какая-то внутренняя категория, неподвластная пониманию, притяжение особое, флюиды и у кого этого нет, тому уже ничего не поможет. Мужчинам, возможно,

лучше, я, например, инициативу могу проявить, хотя бы теоретически, если кто понравится, а девушкам обиднее, совсем плохо, нет у них такой возможности.

– Все понятно. Диагноз у меня уже есть, – после некоторой паузы, задумчиво глядя на товарища, отозвался Мартин. – Сейчас мы быстренько всплакнем о тяжелой девичьей доле и разбежимся, – я уже страшно опаздываю, но перед уходом хочу тебе официально объявить, что, по моему мнению, ты страшно запущен и мне, видимо, уготовлено провидением наставить тебя на путь истинный, облегчить тебе, как ни парадоксально это для землянина звучит, контакт первого рода, то есть контакт типа: человек – человек. Надеюсь, что встреча наша будет не простая, а судьбоносная, – улыбнулся он напоследок, и, записав телефон Сэма, сорвался с места и мгновенно растворился в толпе.

Оставшись один, Сэм некоторое время сидел неподвижно, приходя в себя после налетевшего на него урагана, после чего заказал себе еще кофе и начал анализировать создавшуюся ситуацию. Мартин, конечно, шалопай и болтун невозможный, но с ним весело, почему-то все становится легко и просто, для него, похоже, никаких проблем общения с женским полом не существует, никакой там рефлексии, комплексов неполноценности. «А меня он, значит, берет на буксир», – подумал Сэм, но не обиделся, а сразу вообразил себе светлую картину их будущего партнерства. Теплый весенний день, парк со спокойной гладью озера, повсюду гуляют ярко одетые люди, слышится музыка, они подходят к двум симпатичным девушкам, Мартин начинает свой бурный натиск, девушки смеются, Сэм, с независимым видом, как бы со стороны, наблюдает за происходящим. «Разрешите представить вам моего лучшего друга, выгодно отличающегося от меня серьезностью и ученостью», – через некоторое время слышит он его слова. Доброжелательные взгляды, улыбки, все культурно и достойно, никакой пошлости и грубости, приятное общение с избранным контингентом, а дальше посмотрим, может, что-нибудь получится серьезное, а если нет, тоже неплохо. Примерно в таком ключе крутились мысли Сэма, доставляя ему ощущение начала какой-то новой, веселой и лихой жизни, с великим множеством соблазнительных вариантов, где все удастся без мучений и сомнений, с первого захода. Авторитет Мартина рос в его сознании, приобретая фантастические свойства всепробивающего ядра, перед которым не устоит ни одна стена, причем теневой стороной этой мысли являлось косвенное перекалывание на Мартина ответственности за возможные неудачи и срывы в тонком механизме общения с женщинами. «Пожинать лавры и ни о чем не беспокоиться. Что может быть лучше?» – пело и танцевало в его давно ожидающей любовных впечатлений душе.

Первые дни после их неожиданной встречи он ждал звонка Мартина с нетерпением, переходящим в некую навязчивую идею о том, что Мартин – это проводник, сталкер, ведущий его к запретной зоне исполнения желаний, где доступно то, что в реальной жизни получить нельзя. Он ждал звонка, но телефон упорно молчал. Сэм злился, никуда не выходил, чтоб случайно не пропустить свой шанс. День проходил за днем, вечер за вечером, но Мартин не звонил. Мир опьяняющих возможностей безграничного выбора самых красивых, недоступных женщин, который он примерял на себя, как новый смокинг перед первым выходом в высшее общество, откладывался на неопределенное время, а может, и вовсе отменялся. Жизнь казалась безрадостной и серой. Мираж терял свои очертания и пропадал в прошлом, оседая и загромождая память бесформенными образами. Сказочный мир, как ему и подобает, оказался нереализуем. Сэму стало скучно и обидно.

«Может, Мартин в своей обычной манере надо мной просто посмеялся, так сказать, очно и заочно, разыграл, превратил в фарс мою жизненную проблему», – думал он с раздражением, но с другой стороны такой черствости и бездушия от своего приятеля, которого он прекрасно знал, ожидать было трудно. Затем он начал подозревать, что Мартин, славившийся в школе своей безалаберностью, способностью все путать и забывать, просто увлекся чем-то другим, или потерял его номер телефона, или у него обострение «любовной лихорадки», – познако-

мился с очередной девушкой и уехал с ней за границу, мало ли что могло случиться с человеком, у которого семь пятниц на неделе. Обвинять себя в том, что он сам вовремя не среагировал и не взял координаты своего друга, было неконструктивно, а в справочном бюро, куда он, устав от невыносимого ожидания, все же позвонил через шесть дней, ему ответили, что такой абонент у них не значится. Это было странно и непонятно, но на следующий день раздался долгожданный звонок, и он наконец услышал голос своего приятеля.

– Привет, старина. Как живешь? Что подельываешь? – как ни в чем не бывало, затараторил Мартин. – Я о тебе помню, подготовил уникальный теоретический курс, без которого к практическим занятиям приступать бессмысленно, что тебе, как ученому, полагаю хорошо известно. Может, теория суха, может даже, древо жизни пышно зеленеет, но для того чтоб не обнаружить виноград слишком зеленым, нужно кое-что знать и понимать изначально. Кстати, надеюсь, ты согласен с тем, что знание материально, иначе за него не платили бы такие бешеные деньги в университетах, тогда объясни мне, дураку, то, что я сам понять никак не могу. Почему процесс обучения, передача знаний не подчиняется закону сохранения материи – то, что у одного прибывает, у другого не убывает? Так где мы встречаемся?

Сэм, подавив скачек адреналина, возникший после осознания, что ничего еще не потереяно, Мартин все-таки позвонил, не мог сразу собраться и следовать по ухабистому пути парадоксов и вычурной, даже какой-то уже слегка раздражающей манере менторского, псевдонаучного, псевдоделового разговора. Ему было не до шуток, а понять, как относиться к их сотрудничеству Мартин, невозможно – по смыслу сказанного, вроде бы серьезно, по манере изложения – все тот же розыгрыш и хохот, бесконечный балаган.

– Приезжай ко мне, жду, – не вдаваясь в частности, ответил Сэм на последний, единственно конкретный вопрос и, продиктовав свой адрес, осторожно положил трубку, как бы боясь потревожить, нарушить, спугнуть благоприятную ситуацию, неожиданно возникшую из уже почти похороненных надежд.

Примерно через полчаса, позвонив и сразу ворвавшись в дверь, Мартин коротко пожал ему руку, затем, внимательно оглянувшись по сторонам, испросил и получил согласие на ознакомительный осмотр квартиры и, под удивленные взгляды Сэма, начал стремительный обход апартаментов, залезая в подсобные помещения, на кухню и даже в холодильник. Он трогал серебристые краны, проводил рукой по шкафчикам с книгами, любовно погладил посудомоечную машину, впечатляющий музыкальный комбайн и телевизор с DVD в салоне. Создавалось впечатление, что, оценивая достоинства и выискивая скрытые недостатки, он испытывает непреодолимое желанием немедленно купить эту квартиру со всем содержимым.

– Такая квартира, – причмокнув языком, удовлетворенно подытожил он в конце осмотра, – может соблазнить практически любую женщину даже при полном отсутствии наличия хозяина. Единственная сложность, которая меня в этой связи беспокоит, как потом удалить отсюда нежелательную особу. Боюсь, что полиция с собаками и водометами не справится. Только усиленные бронетехникой подразделения спецназа и только с применением лошадиной дозы снотворного, иначе ее не возьмешь, – во вменяемом состоянии нормальная женщина отсюда не уйдет. Опасная квартира, ее мы оставим на потом.

– Мартин, скажи, пожалуйста, при чем тут моя квартира, если еще в помине нет претендентки не нее? Я тебя не очень понимаю.

– Непонимание – основа конструктивного диалога. Скоро поймешь. Это я забежал вперед. Вот тут я написал для тебя короткую инструкцию на тему: «Как найти нормальную жену». Уникальная работа, между прочим. Ты ее прочтешь потом, а сейчас я хочу объяснить тебе ряд фундаментальных понятий, так сказать, аксиоматику моей стройной теории. Главное в ней, ты это железно должен себе уяснить, что она, твоя потенциальная избранница, является товаром, со всеми положенными атрибутами, как то: качество, цена и прочее, и ты сам, что, видимо, тебя разозлит, – тоже являешься товаром! Таким же, как холодильник, кастрюля или автомобиль.

– Послушай, всему есть границы, – перебил его Сэм, – ты просто рехнулся со своими теориями. Ты это всерьез? – добавил он металлическим голосом, вкладывая в вопрос весь имеющийся у него сарказм.

– Всерьез, и очень всерьез, – затараторил Мартин, – и не нужно становиться в третью балетную позицию и доказывать мне, что ты гордый, особенный и неповторимый, сделанный природой и своими родителями в единственном экземпляре. Я все это знаю.

Сэм, у которого сняли с языка то, что он сам, в сущности, намеривался изложить, часто заморгал и неуверенно возразил:

– Но человек – не товар. Такой подход оскорбляет... этику. Это нигилизм какой-то, противоречие гуманистическим началам, так может излагать только законченный циник, человек, у которого нет сердца, души.

– Ну зачем ты так? У меня есть душа, но я так странно устроен, что скрываю ее от окружающих, вроде как... Кашей Бессмертный. Кстати, надежная охранная система у него была по тем временам, – семь степеней защиты! Душа – это, по-видимому, единственное, что бесспорно принадлежит лично мне, и пока еще не нашлось, к сожалению, никого, кого бы моя душа всерьез заинтересовала, и кому бы стоило эту, прямо скажем, сомнительную ценность приоткрывать.

Сэму стало неудобно. Разговор друзей, ему хотят помочь, а он как-то резко перешел на личности.

– Извини меня, пожалуйста, я что-то разволновался, но, согласись, здесь ты перегнул палку. Человек – вещь, предмет, продукт? Уверен, ты сам думаешь по-другому, ведь по сути это не так.

– Так, именно так, – упрямо повторил Мартин, как ни в чем не бывало продолжая гнуть свою линию, – и, если ты не будешь меня перебивать, влезать со своей ископаемой моралью, навешанной, вернее сказать, насильно внедренной в твоё сознание воспитанием, образованием, великими писателями-гуманистами, ставящими личность, какие-то мелкие, непродуктивные переживания отдельного человека на неподобающе высокий уровень важности, фактически противопоставляющие индивида обществу, прогрессу, я тебе это просто и наглядно докажу.

Сэму не оставалось ничего другого, кроме как, взглянуть вверх, как бы ища помощи у высшего разума, пожать плечами, вздохнуть и выслушать до конца утилитарную, античеловеческую утопию, разработанную его товарищем.

– Значит, так, – получив свободу слова, ободренный и вдохновленный осознанием собственной значимости, начал свою лекцию Мартин, – привожу ряд логических построений, доказывающих, что ты – товар. Не буду повторять основы политэкономии, но твоя фирма для получения прибыли закупает скрепки, компьютеры и специалистов, вроде тебя. Особой разницы в приобретаемых товарах я не вижу, в тонкости, что ты, мол, продаешь не себя, а свое время и квалификацию, вдаваться не хочу. Небольшое различие между вами, на мой взгляд, заключается только в том, что в финансовых отчетах фирмы скрепки находятся в графе оборудование, вернее, канцтовары, а ты – в графе зарплата, где видно, сколько ты на самом деле стоишь. Кстати, только что пришло в голову: спортсмены, всякие там футболисты-хоккеисты, их покупают и продают клубы, как мячи и футболки, и ни у кого это не вызывает морального или, как ты очень красиво выразился, этического протеста. Это очевидно, и спорить тут, по моему, не о чем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.